

Обед был закончен, и на изящной тарелке из костяного фарфора остались лишь крохи. Анна бесшумно вошла, чтобы убрать посуду, двигаясь плавно и расторопно, как в любой другой будничный полдень.

— Шэнь Цинцы, вам налить еще кофе? — вполголоса спросила она.

Шэнь Цинцы оторвался от документов. Солнечный свет, пробивавшийся сквозь жалюзи, отбрасывал причудливые тени на его четко очерченный профиль. Он всё еще пребывал в той странной, согревающей океанской глубине блаженства, поэтому лишь махнул рукой, а тон его голоса прозвучал как никогда миролюбиво:

— Не нужно, спасибо. Я немного отдохну, в ближайшие полчаса пусть никто не беспокоит.

— Хорошо, Шэнь Цинцы, — Анна слегка поклонилась, подняла поднос и бесшумно удалилась, тихо притворив за собой тяжелую дверь из массива дерева.

В кабинете воцарилась тишина, нарушаемая лишь едва уловимым гулом системы центрального кондиционирования.

Когда он остался один, Шэнь Цинцы не сразу вернулся к послеобеденным делам. Он откинулся на широкую и удобную спинку кожаного кресла, устремив взгляд в пустоту, и прислушался к непрерывным, едва уловимым сигналам своего тела.

После того как он привыкал к этому всё утро, ощущение стягивающего черного кружевного корсета и скользкое прикосновение телесных колготок перестали вызывать первоначальный, пробирающий до дрожи «аномальный» трепет, превратившись в знакомый и успокаивающий фон. Они стали своего рода безмолвным подтверждением, напоминающим о том, что его тщательно оберегаемое тайное «я» находится рядом и остается в безопасности.

Однако начала пробиваться и другая, куда более конкретная и интимная потребность — смутное, но неотступное осознание того, что прокладка, которой он пользовался всё утро, требует замены.

Как только эта мысль возникла, в глубине души разлилось чувство, в котором смешались стеснение, нервозность и капля невыразимого возбуждения.

Это было частью его плана, но в то же время — крайне дерзким шагом, который он никогда не совершал прежде, будучи в роли Шэнь Цинцы.

Он глубоко вздохнул и поднялся. Подол шелковой рубашки скользнул по краю корсета, а колготки под брюками издавали едва слышный шорох при каждом движении. Он не направился к просторной, ярко освещенной и роскошной уборной, примыкающей к кабинету — хотя там было уединение, ему постоянно казалось, что там не хватает некоего абсолютного

защитного барьера.

Его целью была небольшая дверь, спрятанная за книжным стеллажом. Там находилась куда более скрытая комната для отдыха, предназначенная только для него, внутри которой располагался полностью оборудованный санузел. Именно там располагалась его абсолютная территория для подобных предельно интимных ритуалов.

Он подошел к стеллажу и слегка нажал на потайной фиксатор. Полка беззвучно отъехала в сторону, открывая доступ к тайному пространству. Он проскользнул внутрь, и стеллаж медленно сомкнулся за его спиной, окончательно отрезая его от кабинета, символизировавшего власть и ответственность.

В комнате отдыха царил мягкий свет и покой. Он вошел в санузел и запер дверь. Помещение было небольшим, но безупречно чистым, над зеркалом горела теплая светодиодная лента.

Он встал перед раковиной и посмотрел на свое отражение. Всё тот же холодный, безупречный бизнес-элит в строгом костюме. Но только он один знал, что должно произойти дальше.

Он расстегнул пуговицу брюк и опустил молнию. Этот привычный жест сегодня был наполнен глубоким смыслом. Когда брюки опустились до уровня колен, обнажив длинные, мускулистые ноги, обтянутые тончайшими телесными колготками, он ощутил мощный визуальный удар и странное психологическое потрясение. Мужская сила в сочетании с изяществом, даруемым колготками, создавала запретный и притягательный контраст.

Он осторожно снял нижнее белье. Использованная прокладка предстала перед ним. Он крайне бережно отлепил её, свернул в аккуратный комочек, запечатал в заранее приготовленный маленький пакетик и опустил на дно специального мусорного контейнера — каждый шаг совершался с величайшей осторожностью, чтобы не оставить ни малейшего следа, способного вызвать подозрения.

Затем он открыл кран, чтобы тщательно обмыться теплой водой. Прохладные струи в сочетании с прикосновением к коже вызвали прилив бодрящей дрожи. Он аккуратно промок кожу мягким полотенцем, каждое движение было наполнено почти религиозным трепетом.

Закончив, он достал из внутреннего кармана пиджака новую прокладку в индивидуальной упаковке. Крохотная, квадратная, лежащая в ладони, она казалась ему тяжелее самой жизни.

Раскрыв обертку, он достал белоснежный, мягкий, источающий легкий свежий аромат кусочек нетканого материала. Наклонив голову, он сосредоточенно и бережно, словно выполняя сложнейшую хирургическую операцию, приклеил новую прокладку к чистым женским трусикам. Стоило кончикам пальцев коснуться нежного края кружева и мягкой хлопковой поверхности, внутри него вспыхнуло чувство странного удовлетворения и покоя.

Затем, надев белье обратно, он ощутил, как свежесть и сухость сменили утреннюю влажность.

Это чувство чистоты стало не просто физическим комфортом, а самым настоящим внутренним обновлением. Казалось, вместе с этим исчезли накопленная за утро усталость и давление внешнего мира.

Он медленно подтянул брюки, поправил рубашку, застегнул пуговицы и, наконец, поправил безупречно завязанный серебристо-серый галстук.

Он снова посмотрел в зеркало. Внешне он совершенно не изменился — всё тот же непоколебимый Шэнь Цинцы. Но лишь он сам знал, что внутри него произошло тихое, но жизненно важное обновление.

Неописуемое чувство счастья и красоты, подобно теплоте источника, забило у него в груди и разлилось по всему телу.

Он смог.

В кабинете на самом верхнем этаже, символе власти корпорации Шэнь, в своем абсолютно личном пространстве он совершил обряд, принадлежащий только Цинцин. Это была не просто замена гигиенического средства, а декларация, практика — манифест того, что его истинное «я» может существовать в повседневной жизни Шэнь Цинцы таким вот тайным и безопасным способом.

Эта двойная жизнь не вызывала у него чувства раздвоенности или истощения; напротив, она дарила ощущение целостности и гармонии. Ему больше не нужно было запира́ть Цинцин в ночной квартире — она стала тонким, постоянным внутренним присутствием, сопровождающим его в течение дня.

Ощущение того, что он может принимать и тихо лелеять свою истинную сущность, делало его невероятно счастливым. Это было счастье, идущее вразрез с общепринятыми нормами, нечто шокирующее, прекрасное чувство того, как идешь по самому краю пропасти, любуясь восхитительным пейзажем. Опасно, но до крайности заманчиво.

Он постоял перед зеркалом еще немного, наслаждаясь тишиной и радостью, которые словно украл у мира для себя. В глазах мужчины в зеркале, казалось, что-то изменилось: в них стало меньше ледяной остроты и больше неуловимой мягкости и... жизни.

Он открыл дверь уборной, вернулся в комнату отдыха и через потайной проход вновь вышел в залитый светом, наполненный деловой атмосферой кабинет.

Послеполуденное солнце ярко светило в панорамные окна. Шэнь Цинцы подошел к рабочему столу, сел и снова открыл документ по сделке о поглощении.

Его пальцы коснулись гладкой бумаги, взгляд был сосредоточен. Ощущения тела оставались

ясными — стягивание корсета, нежность колготок и сухое, успокаивающее присутствие новой прокладки снизу.

Но теперь эти чувства не были помехой, требующей внимания, они стали скрытым потоком, питающим его душу. Он был полон сил, мысли были острыми, а внутри него поселилась спокойная, созидательная мощь.

Оказывается, если взглянуть на мир, проявляя даже столь скрытую, истинную сущность, это может наполнить невероятной энергией.

В этот день продуктивность Шэнь Цинцы оказалась поразительной. Он работал с большим спокойствием и креативностью, чем утром. Когда Анна вошла, чтобы принести документы, она вновь ощутила исходящую от начальника необъяснимую мягкую, но мощную ауру, которая заставила её при докладе почувствовать себя неожиданно расслабленно.

Когда вечерние сумерки вновь окрасили небо в багровые тона, Шэнь Цинцы закончил рабочий день. Он стоял у окна, глядя, как городские огни зажигаются один за другим, и чувствовал глубокое, теплое удовлетворение.

Сегодня он не только блестяще исполнил роль Шэнь Цинцы, но и тихо, в полной мере накормил свою Цинцин.

Это скрытое счастье, подобно самой сладостной тайне, спрятанной под идеально скроенным пиджаком, будет сопровождать его каждый день, на каждом шагу его пути.

<http://bllate.org/book/20970/2128505>